ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ.

(Статьи изъ „Искры".)

P. A. K.
№ Wch. 195
№ Inw.

Пров.
Пров 48

107
28

I.

Капитализмъ и война.

(Изъ № 59).

Русско-японская война — кровавая заря грядущихъ великихъ событій. Ея не ждали, а между тѣмъ она надвигалась закономѣрно и грозно, какъ неумолимый фатумъ. Она подготовлялась капиталистической эксплуатаціей, колоніальнымъ хищничествомъ, разбойнической политикой русскаго самодержавія, она подготовлялась въ Европѣ больше, чѣмъ въ Азіи, она подготовлялась въ Америкѣ; потребности капиталистическаго производства, безпрерывно пожирающаго самого себя, дѣлающаго разрушеніе принципомъ своего существованія, конкурренція, разжигающая политическую вражду, ломка общественнаго уклада странъ съ докапиталистической культурой, англійскій имперіализмъ и нѣмецкій милитаризмъ, интересы аграріевъ въ Пруссіи и интересы сахарныхъ плантаторовъ на островѣ Кубѣ, американскій джингоизмъ и задолженность русскаго казначейства, развитіе Японіи и отсталость Турціи, идея реванша и борьба французской буржуазіи съ пролетаріатомъ, все это, и еще многое другое, вытекающее изъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій капиталистическаго развитія, подготовляло войну, все это смѣшалось, перепуталось, связалось въ кровавый узелъ, требующій кровавой развязки.

Прусско-французская война 1870 года завершила циклъ войнъ, начавшихся съ Великой Французской Революціи и перекроившихъ карту Европы. Объединеніе Италіи и Германіи, сопровождавшееся ослабленіемъ Франціи, Австріи и Россіи (въ Крымскую кампанію), создало теперешнее политическое равновѣсіе Европы. Равновѣсіе очень шаткое, такъ какъ часть нѣмецкаго народа осталась за рубежемъ объединенной Германіи, Австрія, потерявъ связь съ большинствомъ нѣмецкой націи, стала страной парализующихъ другъ друга національныхъ отрѣзковъ, Франція готовилась возвратить себѣ обратно отнятыя у нея провинціи, а на Балканскомъ полуостровѣ выдѣленіе самостоятельной Греціи, ограниченной однако же клочкомъ земли, въ то время какъ значительная часть эллинской націи осталась подъ турецкимъ владычествомъ, только усложнило и безъ того запутанное положеніе: а надъ

всѣмъ этимъ вѣчной угрозой миру нависло русское самодержавіе — силы стомилліоннаго народа во власти одного лица, — вѣчно стоящее на сторожѣ, всегда готовое урвать кусокъ, ненавидящее новые порядки Западной Европы, ту формальную свободу, которую завоевали себѣ народы, безпрерывно увеличивающее свои военныя силы съ явной цѣлью подчинить Европу и весь міръ своему вліянію. Русско-турецкая война 1877 года съизнова напомнила Европѣ, насколько велика опасность со стороны царскаго правительства.

Политическое равновѣсіе чувствовалось настолько непрочнымъ, что Европа все это время съ лихорадочнымъ усердіемъ готовилась къ войнѣ. Образовались огромныя арміи, техника человѣкоубійства и разрушенія была усовершенствована до умопомрачающихъ тонкостей, военные запасы накоплялись и безпрерывно возобновлялись — получился „вооруженный миръ", давившій народы своей неимовѣрной, все возрастающей, невыносимой тяготой. Въ то же время демократизація государственной власти, носившая въ себѣ залогъ мира, пріостановилась. Съ тѣхъ поръ какъ организованный пролетаріатъ вступилъ въ политическую жизнь парламентарныхъ странъ, буржуазія потеряла интересъ къ политической формѣ демократіи и становилась все болѣе реакціонной. Развитіе индустріи въ отдѣльныхъ странахъ создало конкурренцію капиталистическихъ націй на всемірномъ рынкѣ. Выросшій на землѣ, не знавшей еще ренты, американскій хлѣбъ сбилъ поземельную ренту европейскихъ землевладѣльцевъ — на этой почвѣ создались таможенныя системы Западной Европы. Пошлины стали экономическими преградами историческаго процесса культурнаго объединенія народовъ, онѣ увеличили политическую рознь государствъ и создали тьму новыхъ враждебныхъ интересовъ. Капиталистическая конкурренція націй, политическая обособленность, милитаризмъ, реакціонныя тенденціи буржуазіи — все вмѣстѣ вело къ усиленію правительственной власти, такъ что даже въ Германіи получился на конституціонной почвѣ новый расцвѣтъ монархизма. А чѣмъ болѣе усиливается власть правительствъ, тѣмъ легче становятся столкновенія между государствами.

Европейскій міръ держался шаткостью своего равновѣсія. Чувствовалось, что стоитъ его нарушить въ одномъ мѣстѣ, и пойдетъ общая ломка. Это перешло, наконецъ, въ общее сознаніе и стало до нѣкоторой степени руководящей нитью дипломатическихъ отношеній. Общественное мнѣніе буржуазіи, трусливое и легковѣрное, мелкой зыбью разбѣгающееся въ ширь, но неспособное поднять глубины, успокоилось на самомъ фактѣ мира, а идеологи его, приспособляющіе свои историческіе взгляды къ моменту, пускающіе свою бумажную философію по вѣтру, какъ

мальчишки бумажнаго змѣя, создали даже теорію невозможности войны. Теорія эта сводилась къ необыкновенной разрушительности современнаго оружія, къ необыкновенной огромности современныхъ войскъ, къ необозримой гибельности войны между современными индустріальными государствами. Мелкій и робкій умъ разсуждалъ: такъ какъ чудовищность европейской войны превосходитъ всѣ предѣлы моего представленія, то, слѣдовательно, ея и не можетъ быть.

Между тѣмъ капиталистическое развитіе продолжало свою разрушительную дѣятельность и подкапывалось подъ миръ Европы далеко за предѣлами ея — въ странахъ Тихаго океана.

Разразилась японско-китайская война. Она поразила своей неожиданностью, но еще болѣе тѣмъ, что война между монгольскими націями велась изъ-за *капиталистическихъ* интересовъ. Европа считала до тѣхъ поръ исключительно своей культурной миссіей распространять капиталистическую эксплуатацію по всему міру, даже какъ будто особымъ свойствомъ кавказской расы и чуть ли не преимуществомъ христіанской религіи. Успѣшная торговая война Японіи свидѣтельствовала о промышленныхъ интересахъ, предполагающихъ значительную степень капиталистическаго развитія, и показала — а это самое главное — что въ Восточной Азіи образовалось самостоятельное государство со всѣмъ политическимъ и военнымъ аппаратомъ капитализма, вполнѣ по европейскому образцу. Это былъ новый факторъ въ исторіи Азіи, который долженъ былъ перемѣшать и обострить всѣ отношенія на Дальнемъ Востокѣ.

Второю неожиданностью была война Америки съ Испаніей. Индустріальное развитіе Соединенныхъ Штатовъ ни для кого не было тайной. Но и здѣсь буржуазная мысль только еле плелась за фактами и не была въ состояніи охватить ходъ развитія. Покуда буржуазія была революціонна, она умѣла заглядывать далеко впередъ, потому что впереди ея лежала ея собственная историческая будущность, ея господство и торжество; въ настоящее время широкій захватъ мысли только мѣшаетъ буржуазіи, потому что онъ показываетъ исторію ея паденія, — и вотъ буржуазная идеологія, которая можетъ строить свои умозрѣнія только въ той плоскости, на которой стоитъ ея классъ, непроизвольно съузила свои перспективы. Американско испанская война показала, что капиталистическое развитіе уже передвинуло центръ тяжести экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ съ сельскаго хозяйства на индустрію. А съ тѣмъ вмѣстѣ стали все болѣе требовательны интересы экспорта и колоніальной политики. Первымъ послѣдствіемъ была колоніальная война, а дальнѣйшимъ должно было быть развитіе милитаризма. Такъ образовался джингоизмъ. Соединенные штаты начинаютъ вести агрессивную

внѣшнюю политику и дѣлаютъ даже попытки вмѣшаться въ европейскія дѣла. Но главное ихъ вниманіе обращено на страны Тихаго океана, которыя по своему экономическому и географическому положенію являются наиболѣе подходящимъ рынкомъ для индустріальной Америки. Вотъ почему въ настоящемъ русско-японскомъ конфликтѣ Америка съ самаго начала играетъ активную роль, какая еще десять лѣтъ тому назадъ казалась бы немыслимой.

Къ тому же времени все яснѣе сталъ вырисовываться переворотъ на всемірномъ рынкѣ. Открытіе Америки отвлекло торговлю отъ Средиземнаго моря и странъ Тихаго океана и сдѣлало съ развитіемъ индустріи Атлантическій океанъ средоточіемъ морскихъ торговыхъ сношеній. Малая и Западная Азія (Персія) были даже совершенно заброшены. Колоніальное значеніе Остъ-Индіи обезпечивало ей сношенія съ Европой, а благодаря этому развивались также сношенія съ Китаемъ. Ростъ капиталистическаго производства, требующій все большихъ и большихъ рынковъ, долженъ былъ направить торговлю опять въ Тихій океанъ. Процессъ этотъ былъ ускоренъ прорытіемъ Суэзскаго канала. Развилось громадное интернаціальное мореходство въ Индійскомъ океанѣ, и индустріализація Южной какъ и Восточной Азіи быстро двинулась впередъ. Безъ Суэзскаго канала, замѣчу кстати, Японія и до сихъ поръ еще была бы отсталой азіатской страной. Помимо Японіи, и Индія развила богатую собственную индустрію. На томъ же пути находится Австралія, равно какъ и Южный берегъ Африки. Здѣсь, какъ извѣстно, революціонная работа капитала уже привела къ кровавой развязкѣ. Полноты ради замѣтимъ, что капиталистическій переворотъ въ Южной Африкѣ былъ ускоренъ и обостренъ открытіемъ золотыхъ розсыпей.

Торговое развитіе Тихаго океана подняло снова значеніе Средиземнаго моря, а въ немъ Балканскаго полуострова и Малой Азіи. Восточный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ европейскихъ конфликтовъ, подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ еще болѣе обострился. Національная борьба шла своимъ чередомъ. Русско-турецкая война отбросила Турцію за Балканы и сдѣлала ее безпомощной. Это подняло шансы христіанскихъ національностей. Первая воспользовалась положеніемъ Болгарія, объединившись съ Румеліей. Послѣдовало критское возстаніе. Затѣмъ македонское возстаніе. Попытка Греціи объединиться съ Критомъ окончилась неудачно не только благодаря ничтожеству и дезорганизаціи ея военныхъ силъ, но также благодаря давленію Россіи. Царское правительство сознательно поддерживаетъ смуту на европейскомъ Востокѣ. Оно исподволь поощряетъ возстанія и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ образованію независимыхъ христіанскихъ государствъ. Такимъ образомъ, оно разлагаетъ существу-

ющія политическія силы, мѣшаетъ развитію новыхъ и держитъ національности Балканскаго полуострова въ равновѣсіи взаимной слабости. Цѣль ясна — облегчить путь къ завоеванію страны на случай взятія Константинополя.

Еще раньше, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ, капитализмъ выдвинулъ новыя индустріальныя государства въ Европѣ. На первомъ планѣ стоитъ Германія. Германскій экспортъ долгое время развивался при помощи мирнаго проникновенія въ колоніальныя страны нѣмецкихъ торговыхъ агентовъ. Нѣмецкіе коммиссіонеры и комивояжеры залѣзали во всѣ щели въ Южной и Центральной Америкѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, въ Китаѣ. Отовсюду они протянули паутинки къ германскимъ фабрикамъ, и германскіе товары стали все большими массами приплывать въ заокеанскія страны, пользуясь при этомъ германскимъ же мореходствомъ, сильно развившимся благодаря ввозу хлѣба изъ Америки и вывозу людей въ Америку. Дошло до того, что даже въ главныхъ портахъ Остъ-Индіи нѣмцы успѣшно конкуррируютъ съ англичанами и уже успѣли ихъ отчасти вытѣснить. Однако въ восьмидесятыхъ годахъ мы видимъ первыя попытки колоніальныхъ захватовъ Германіи. По мѣрѣ роста потребностей экспорта, при явно непріязненномъ отношеніи къ Англіи нѣмецкой конкурренціи въ ея колоніяхъ, съ развитіемъ колоніальной политики другихъ странъ, передъ капиталистической Германіей сталъ на очередь вопросъ о завоеваніи колоній. Но центръ тяжести германской политики до тѣхъ поръ лежалъ въ упроченіи ея европейскаго положенія, а колоніальная политика вводила ее въ сферу міровыхъ интересовъ, ставила ее передъ новыми задачами, требовала развитія морской силы и грозила тысячами непредвидѣнныхъ сцѣпленій интересовъ и конфликтовъ. На это трудно было рѣшиться. Но нашелся человѣкъ, который рѣшился — германскій императоръ. Вильгельмъ II вступилъ на престолъ съ непремѣннымъ желаніемъ стать героемъ. Не то, чтобы въ немъ были геройскія качества. У него умъ живой, но не проницательный, рѣшимость быстрая, но не устойчивая, интересъ легко воспламеняющійся, но также легко остывающій. Первые годы его царствованія прошли въ безпокойномъ шатаніи. Съ любопытствомъ и стремительностью диллетанта, не умѣющаго охватить глазомъ всѣ трудности дѣла, онъ бросался то на соціальное реформаторство, то на уничтоженіе соціальдемократіи, то на школьныя реформы, то на формы военныхъ мундировъ, на искусство, музыку, литературу, на передѣлку правописанія и преобразованіе христіанской религіи. Вездѣ, гдѣ онъ натыкался на трудности, онъ моментально уставалъ и отставалъ. Но, бросаясь безъ разбору туда и сюда, онъ невзначай наткнулся на колоніальную политику. И именно потому, что онъ не могъ

предвидѣть трудностей и послѣдствій, онъ рѣшился тамъ, гдѣ другіе колебались. Но оказалось, что онъ попалъ въ струю капиталистическаго развитія, которая его понесла все дальше и дальше. Я остановился на личной характеристикѣ Вильгельма II, потому что, помимо царя, германскій императоръ единственная личность, которая по положенію своему можетъ оказать сильное вліяніе на ходъ надвигающихся событій.

Англійскій капиталъ революціонизировалъ весь міръ, сломилъ старые уклады, уничтожилъ старыхъ боговъ и создалъ новыхъ по образу и подобію своему, — но, сдѣлавъ весь міръ капиталистическимъ, Англія весь міръ возстановила и вооружила противъ себя и подорвала основы своего собственнаго существованія. Она раньше создала повсюду рынки, затѣмъ создала — снабжая міръ машинами, рабочими, капиталомъ — во всѣхъ странахъ индустрію, а индустрія въ каждой странѣ стала захватывать свой внутренній рынокъ, подняла политическія силы государства и употребила ихъ на искусственное огражденіе національнаго рынка и насильственное раскрытіе рынковъ чужихъ. Каждое капиталистическое государство — огромная и многосложная машина для выжиманія труда изъ народа и для безконечной капиталстической ломки всего окружающаго. Каждое капиталистическое государство само по себѣ въ состояніи разрушить и возсоздать міръ. И вотъ государства эти окружили землю желѣзными путями, оцѣпили ее сѣтью телеграфовъ и почтъ, завязали узлы торговыхъ агентуръ, пустили по океанамъ многочисленные флоты, создали цѣлый міръ на водѣ съ сотнями тысячъ людей, безпрерывно поддерживающихъ сношенія между материками, разослали по всѣмъ частямъ свѣта войска, чтобы открыть пути торговлѣ, и понастроили въ Европѣ и Америкѣ города фабрикъ, безпрерывно воздвигающіе горы товаровъ, которые безостановочно чудовищными массами распространяются по всему міру и переполняютъ рынки. И земля стала капиталистамъ тѣсна и малолюдна, потому что трудъ они сдѣлали обильнымъ, а заработокъ скуднымъ, потому что богатства, которыми они наводняютъ міръ, они отымаютъ у рабочихъ, ихъ создающихъ, потому что они отдѣлили міръ товаровъ отъ міра производителей. Производители бѣдствуютъ, груды произведенныхъ, но не использованныхъ богатствъ ростутъ до безконечности, и такъ какъ не удалось еще открыть такой дыры внѣ человѣческаго міра, куда можно было бы свалить ненужные товары, то капиталисты, эти собственники общественнаго производства въ капиталистическомъ строѣ, стараются вышибить другъ друга изъ рынковъ, и конфликты ихъ, когда другія средства исчерпаны, неизбѣжно ведутъ къ міровымъ войнамъ.

Къ концу прошлаго столѣтія стало ясно, что Англія вытѣсняется на всемірномъ рынкѣ другими промышленными странами Капиталистическій классъ Англіи убѣдился, что ему приходится бороться уже не за господство на всемірномъ рынкѣ, а за самое свое существованіе. Въ силу этого онъ сталъ развивать необыкновенную энергію, чтобы удержать и обезпечить за собой то, чѣмъ онъ владѣетъ. Политическая летаргія, столь характерная для періода экономическаго застоя Англіи, исчезла, и эта чрезвычайно осторожная держава, къ изумленію Европы, стала вести агрессивную политику и рѣшается на рискованныя войны. Англія стремится консолидировать свои колоніальныя владѣнія и оградить созданную такимъ образомъ „имперію“ пошлинами отъ иностранной конкурренціи.

Между Англіей и Россіей издавна конфликтъ на столько очевидный, что правительства ему даже придали характеръ національной вражды. Споръ идетъ о Константинополѣ и въ связи съ этимъ о политическомъ устройствѣ Балканскаго полуострова. Споръ этотъ, какъ извѣстно, въ свое время былъ причиной Крымской войны. Съ тѣхъ поръ положеніе не улучшилось, а, наоборотъ, гораздо болѣе обострилось, благодаря почти полному уничтоженію силы сопротивленія Турціи послѣ войны 1877 г. Цѣлость Турціи являлось посредствующимъ элементомъ, затягивавшимъ разрѣшеніе конфликта, — а теперь Англія и Россія стоятъ непосредственно другъ передъ другомъ и неминуемо должны разрѣшить споръ силой оружія. Однако, область столкновеній между Россіей и Англіей вышла далеко за предѣлы Балканскаго полуострова. Завоевательная политика Россіи въ Центральной Азіи привела ее почти что къ границамъ Индіи. Англіи приходится уже не только отстранять Россію отъ Средиземнаго моря, но и защищать противъ Россіи свою главнѣйшую колонію. Въ то же время Россія подбирается къ Персидскому заливу. Между тѣмъ и Центральная Азія, и Персія, и Малая Азія получили сами по себѣ непредвидѣнное до того промышленное значеніе благодаря развитію торговли въ Тихомъ океанѣ. Это особенно важно для Англіи въ виду конкурренціи, подавляющей ее на всемірномъ рынкѣ. Но тѣ же интересы уже привлекли къ этимъ странамъ вниманіе другихъ индустріальныхъ государствъ — Германіи и Франціи. И вотъ они также затягиваются въ этотъ новый узелъ конфликтовъ.

Наконецъ, еще одно поле тренія образовалось между Англіей и Россіей на Дальнемъ Востокѣ.

Для характеристики развитія отношеній въ Восточной Азіи, приведшихъ непосредственно къ настоящей войнѣ, я позволю себѣ сослаться на свою статью, появившуюся въ германской соціальдемократической печати въ ноябрѣ прошлаго года.

„Политика Англіи въ Восточной Азіи была съ 60-хъ годовъ, со времени ея войны съ Китаемъ, политикой консервативной. Многочисленныя колоніи, долголѣтнія торговыя сношенія, добытыя путемъ военнаго насилія права, точно такъ же, какъ поднятый, благодаря побѣдоносной войнѣ, престижъ, обезпечили за Англіей развитіе ея торговли съ Китаемъ, и она гораздо больше была заинтересована въ томъ, чтобы остатки китайской замкнутости, отъ которой главнымъ образомъ страдали ея конкурренты, — далеко отставшіе отъ нея въ отношеніи колоніально-политическомъ и въ развитіи морскихъ силъ, — прочно сохранить и на будущее время. „Цѣлость“ Китая сдѣлалась ея лозунгомъ. За японской войной Англія слѣдила со смѣшаннымъ чувствомъ. Поскольку дѣло шло о добываніи новыхъ торговыхъ льготъ, эта война могла быть ей только на руку, но въ образованіи японскаго промышленнаго государства она увидѣла опасную для себя конкурренцію. Какъ всегда, „коварный Альбіонъ“ сталъ на сторону сильнѣйшаго и измѣнилъ Китаю самымъ позорнымъ образомъ. Скоро послѣ этого, когда нѣмецко-русская коалиція въ Восточной Азіи внушила ей должное уваженіе, Англія измѣнила и Японіи. Тогда Россія и Германія направили свои стопы къ китайскимъ берегамъ. Идея нераздѣльности Китая была нарушена, тогда и Англія начала присоединять. Скоро, однако, стало ей ясно, что опасность угрожаетъ не только одному Китаю, но также и англійской торговлѣ и политическому вліянію Англіи въ Китаѣ. Съ того времени она тѣсно примкнула къ Японіи и стремится употребить ее преимущественно какъ боевое орудіе противъ Россіи.

Политика Россіи въ Восточной Азіи представляла изъ себя исключительно систему захватовъ. Уже по тому одному, что русская промышленность слишкомъ незначительна, чтобы обезпечить себѣ колоніи путемъ торговыхъ сношеній. Торговые интересы, которые въ колоніальной политикѣ Европы играютъ главную роль, въ политикѣ царскаго правительства отступаютъ на задній планъ. Ея цѣль — распространить могущество Россійской имперіи: обратить весь міръ въ собственность дома Романовыхъ. Сумасбродный романтизмъ! Весь земной шаръ со всѣми его странами и народами привести къ подножію царскаго трона; всю игру міровой исторіи, промышленность, войны, національную борьбу, классовую борьбу, матеріальную и духовную жизнь народовъ направить къ единой цѣли: къ вящшей славѣ династіи Романовыхъ! Это, конечно, глупость, но глупость, образовавшаяся путемъ историческимъ и потому порождающая абсурды, которые становятся „разумнымъ“ факторомъ человѣческой исторіи. Но самъ по себѣ идеалъ царизма въ чистомъ видѣ больше не существуетъ; онъ раскрошенъ, раздробленъ,

разорванъ; другіе интересы подставлены вмѣсто него. Сознательныя стремленія, безсознательные порывы, пережитки прошлаго, идеи будущаго перемѣшиваются между собою, и въ этомъ водоворотѣ идей, поступковъ и событій, въ концѣ концовъ, и тѣ теряютъ голову, кто считаетъ себя руководителями всего процесса.

Въ политикѣ Россіи въ Восточной Азіи нужно различать двѣ, взаимно поддерживающія другъ друга, группы интересовъ: *распространеніе могущества* россійской имперіи и *потребность въ займахъ* для пополненія государственной казны. Финансовая нищета Россіи такъ же безгранична, какъ безгранично стремленіе ея дипломатіи къ захвату чужихъ странъ. Царское правительство употребляетъ иностранное золото на добываніе новыхъ земель и забираетъ чужія земли, чтобы снова добыть себѣ золото. Когда вспыхнула японско-китайская война, царская дипломатія сейчасъ же направила свои взоры на то, чтобы чѣмъ нибудь поживиться. Но успѣхи Японіи раньше всего вызвали въ ней рѣшеніе ослабить эту страну. Это та же политика, которую Россія практикуетъ и на европейскомъ востокѣ. Благодаря вмѣшательству Вильгельма II, который, испытавъ къ тому времени сью геніальность въ различныхъ областяхъ, сталъ смѣшной фигурой и горѣлъ желаніемъ попытать счастья въ колоніальной политикѣ, русской дипломатіи удалось выкинуть геніальную штуку: демонстраціей международнаго флота запугать Японію и заставить ее покинуть занятую ею на сушѣ позицію. Вытѣснивъ конкуррента, Россія приготовилась стать на его мѣсто. Она только ждала повода. Какъ нарочно, случилось убійство нѣмецкихъ миссіонеровъ. Съ злорадствомъ, съ плохо разыгранымъ негодованіемъ, Германія оторвала себѣ Кіао-Чоу. Заодно съ Германіей двинулась Россія; она завладѣла Портъ-Артуромъ и протянула свою длань къ Манчжуріи. То, что Японіи было запрещено, практиковалось теперь другими съ самымъ наглымъ безстыдствомъ.

Русскія оккупаціи полны опасностей для будущности Восточной Азіи, гораздо болѣе, чѣмъ колоніальные захваты другихъ странъ. Въ то время, какъ Германія или Англія должны еще посылать свои корабли въ отдаленныя моря, чтобы охранять и поддерживать свои владѣнія на Тихомъ океанѣ, Россія непосредственно присоединяетъ свои восточно-азіатскія земли къ своей огромной имперіи, а сибирская желѣзная дорога служитъ ей могучимъ орудіемъ къ дальнѣйшему упроченію тамъ своей политической и военной силы. Такимъ образомъ, эти владѣнія уже не просто колоніи, слабо связанныя съ своей метрополіей, — Россія создала себѣ здѣсь стратегическій пунктъ, откуда она безостановочно и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ мо-

жетъ распространять свою завоевательную, по отношенію къ Китаю, политику. Она ведетъ себя такъ же, какъ она привыкла это дѣлать втеченіе десятковъ лѣтъ въ Средней Азіи: она строитъ желѣзную дорогу, посылаетъ войска, устанавливаетъ военные посты, а затѣмъ опять желѣзная дорога, войска, крѣпости и т. д. Впрочемъ, также и въ средней Азіи Россія все ближе и ближе подвигается къ Китаю. Кромѣ Японіи, Россія единственная страна, которая въ Восточной Азіи ведетъ вполнѣ послѣдовательную политику. Но потому-то нигдѣ и не существуетъ болѣе противоположныхъ интересовъ, чѣмъ между Россіей и Японіей.

Опасность со стороны Россіи, благодаря оккупаціямъ, была слишкомъ очевидна. Англія заявила протестъ. Положеніе было критическое. Но Англія неохотно рѣшается выступать противъ значительной силы, не имѣя союзниковъ. Японія, въ качествѣ союзника, была еще слишкомъ слаба; Германія могла считаться скорѣе врагомъ, чѣмъ другомъ. Къ тому же Британія вообще очень медленно рѣшается на что-нибудь. Кромѣ того, Англія уже тогда была сильно занята своими дѣлами въ Южной Африкѣ. Мы едва ли сдѣлаемъ большую ошибку, если скажемъ, что южно-африканскій кризисъ былъ отчасти вызванъ Англіей, благодаря ея желанію развязать себѣ руки въ Азіи. Во время южно-африканской войны всѣ ожидали, что Россія сдѣлаетъ Англіи вызовъ; въ глазахъ храбрыхъ буровъ, послѣ библіи, первымъ сплотомъ былъ русскій царь. Но тому, кто знаетъ состояніе дѣлъ въ Россіи, было ясно, что при ея бѣдственномъ экономическомъ положеніи, при ея отсталомъ и негодномъ административномъ механизмѣ, при ея хронической нищетѣ, — правительство царя не смѣетъ и думать о какой либо наступательной войнѣ противъ Англіи.

Но какъ же объяснить, что русская дипломатія, — несмотря на то, что она должна сознавать слабость государства, — такъ вызывающе себя ведетъ? Она принуждена такъ поступать. Безумная погоня царскаго правительства за успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ необходима, чтобы скрыть внутреннюю слабость имперіи. Стоитъ Россіи показать себя слабой во внѣшней политикѣ, — и она теряетъ заграницей весь свой престижъ, теряетъ свой кредитъ. Царизмъ уже давно сталъ пенсіонеромъ европейскихъ биржъ. Русскій абсолютизмъ въ настоящее время не болѣе, какъ биржевая спекуляція: покуда продолжается игра на повышеніе, тронъ царя еще цѣлъ, но если биржа найдетъ, что игра на пониженіе для нея выгоднѣе, — онъ разлетится въ дребезги. Практикующаяся втеченіе долгихъ лѣтъ безпрерывная система займовъ въ высшей степени навострила русскихъ министровъ финансовъ и закалила ихъ способность добывать

деньги. Умѣнье обращаться съ биржей — это высшая финансовая наука, которая требуется отъ русскаго государственнаго мужа. И къ какимъ только пріемамъ не прибѣгаютъ въ Россіи, чтобы привлечь иностранные капиталы въ государственные кассы! Желѣзнодорожная политика все больше становится средствомъ къ добыванію займовъ, постоянные и значительные „остатки“ которыхъ, — остатки, получающіеся очень часто на счетъ самого желѣзнодорожнаго строительства, — поступаютъ въ государственную казну. Дружба съ Франціей отъ начала до конца была употреблена на то, чтобы обчистить карманы французскимъ капиталистамъ — это было величайшее биржевое мошенничество минувшаго столѣтія. Такимъ же путемъ каждый успѣхъ во внѣшней политикѣ Россіи сопровождается новымъ займомъ. Но чѣмъ значительнѣе эти успѣхи, тѣмъ больше, съ другой стороны, оказывается нужда въ деньгахъ и потребность въ займахъ. Въ частности, проникновеніе Россіи къ Тихому океану поставило ее лицомъ къ лицу съ новыми расходами на морскія вооруженія — расходами, которые въ такихъ захватывающихъ размѣрахъ никогда раньше не были извѣстны. Русскій флотъ до сихъ поръ имѣлъ исключительной задачей охрану береговъ. Теперь Россіи приходится содержать на Тихомъ океанѣ броненосцы и состязаться въ морскихъ силахъ съ Англіей и Японіей. Ни одна страна не въ состояніи содержать свой военный флотъ исключительно на счетъ налоговъ. Издержки на флотъ, какъ и на желѣзныя дороги, покрываются путемъ займовъ. Но въ то время, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ становится все дешевле, постройка флота обходится все дороже, и этимъ расходамъ, въ противоположность желѣзнодорожнымъ, не предвидится конца; у нихъ нѣтъ предѣла насыщенія. Постройка флотовъ сама по себѣ уже въ состояніи довести любую страну до банкротства. Что же, въ такомъ случаѣ, сказать о Россіи, которая живетъ одними займами? И въ то время, какъ затраты Англіи или Германіи на ихъ военный флотъ въ нѣкоторой степени вознаграждаются развитіемъ ихъ торговаго оборота, — Россія въ этомъ отношеніи знаетъ одни расходы и не имѣетъ никакихъ доходовъ отъ своей колоніальной торговли. Итакъ, займы и опять займы! Безъ займовъ царизму придется увидѣть свой флотъ и свою армію значительно уступающими боевымъ силамъ другихъ государствъ, и Россія такъ же мало будетъ въ состояніи вести войну съ какой-либо современной военной державой, какъ мало въ состояніи это дѣлать Турція или Китай. Понятно ли теперь, почему царь такъ жалобно пѣлъ о необходимости мира? Такъ какъ у него нѣтъ денегъ, чтобы покрывать все возростающіе расходы на армію и флотъ, то онъ доброжелательно предлагалъ другимъ государствамъ пріостановить

свои вооруженія. Поэтому царь въ своей внѣшней политикѣ не можетъ идти назадъ. Онъ долженъ идти впередъ, или все сразу рухнетъ.

Наконецъ, еще одинъ моментъ — политика абсолютизма, по самой природѣ своей, исключительна. Она не считается съ чужими интересами, съ историческимъ развитіемъ и знаетъ одну только силу — кулакъ. Подобно тому, какъ въ своей собственной странѣ, русскій абсолютизмъ игнорируетъ кричащіе факты ея поступательнаго развитія, насильственно затыкаетъ каждую скважину и, такимъ образомъ, толкаетъ народъ на путь революціи, точно такъ же, закрывъ Японіи всѣ пути къ развитію ея внѣшнихъ сношеній, онъ толкаетъ ее на путь войны".

Это было написано больше, чѣмъ за два мѣсяца до начала военныхъ дѣйствій. А общія идеи этой статьи, взглядъ на міровыя отношенія капиталистическихъ странъ, явились результатомъ моихъ наблюденій надъ ходомъ событій втеченіе моей многолѣтней публицистической дѣятельности въ рядахъ нѣмецкой соціальдемократіи. Я ихъ впервые высказалъ въ своихъ статьяхъ о китайско-японской войнѣ въ 1895 году въ „Leipziger Volkszeitung", затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ о восточномъ вопросѣ, объ американско испанской войнѣ, объ оккупаціи Манджуріи, о франко-русскихъ отношеніяхъ, о торговой политикѣ Англіи etc. etc. въ „Sächsische Arbeiter Zeitung" въ Дрезденѣ, въ „Neue Zeit" и въ издаваемой мною соціальдемократической корреспонденціи Aus der Weltpolitik. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, что это не спекулятивныя разсужденія a posteriori, а обобщенія и выводы, до сихъ поръ находившіе себѣ подтвержденіе въ слѣдовавшихъ за ними событіяхъ.

Что касается интересовъ Японіи, приведшихъ къ войнѣ, то они даны ея положеніемъ капиталистическаго государства Восточной Азіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Японія стала современной индустріальной страной, въ ней образовалась перенаселеніе и перепроизводство. Капиталистическая революція, которую она сама продѣлала, заставляетъ ее революціонизировать міръ вокругъ себя. Какъ Англія передѣлала на капиталистическій ладъ производство въ странахъ европейскаго континента, такъ Японія имѣетъ своей миссіей снабдить Восточную Азію дарами капиталистической культуры, каковы: фабрики, банки, утонченное мошенничество, проституція, желѣзныя дороги, военный флотъ, англійская болѣзнь и пролетаризація массъ. Если ей это не удастся, то рухнетъ ея собственное капиталистическое благополучіе, а вернуться снова къ порядкамъ своего докапиталистическаго времени она уже будетъ не въ состояніи. Китайскій вопросъ, такимъ образомъ, сталъ для Японіи вопросомъ ея собственнаго существованія.

Война между Японіей и Россіей надорвала и безъ того еле еще державшуюся связь политическихъ отношеній капиталистическихъ государствъ. Политическое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено, и врядъ ли его удастся возстановить безъ дальнѣйшихъ войнъ. Больше всего затронуты интересы Англіи. Побѣда Россіи надъ Японіей отдала бы Китай въ полное распоряженіе царскаго правительства. Вліяніе Англіи въ Восточной Азіи было бы совершенно парализовано. Понятно также, что Россія, упрочившись въ Пекинѣ, всего менѣе имѣла бы основаній отказаться отъ своей наступательной политики въ Центральной Азіи. Конфликтъ съ Англіей, слѣдовательно, былъ бы только отсроченъ до момента для Англіи, благодаря росту могущества Россіи, менѣе благопріятнаго. Вотъ почему Англія уже теперь начала агрессивную политику, пославъ военную экспедицію въ Тибетъ и побудивъ Японію къ войнѣ. Въ то же время Германія, основавшаяся въ Кіао-Чоу, горитъ нетерпѣніемъ расширить свои азіатскія владѣнія. Колоніальные планы на Дальнемъ Востокѣ имѣютъ также Соединенные Штаты. Упомянемъ еще Австрію, Италію, Бельгію, военныя эскадры которыхъ тутъ же снуютъ, готовясь урвать и себѣ кусочекъ при общемъ дѣлежѣ. Колоніальная политика Франціи до сихъ поръ была очень несчастлива: французы истратили на свои колоніи милліарды безъ видимой пользы для промышленности страны. Общая борьба изъ за колоній въ Китаѣ подняла также и во французской буржуазіи надежду поправить свои колоніальныя дѣла на счетъ имперіи богдыхана. Дѣйствуетъ тутъ также старый конфликтъ съ Англіей изъ-за Египта, наконецъ, и связь съ Россіей и перемѣна, происшедшая въ силу этого съ идеей реванша. Это, впрочемъ, интересный вопросъ, котораго мы еще, можетъ быть, коснемся въ другой связи. Въ то же время связанность Россіи въ восточной войнѣ дѣлаетъ болѣе возможнымъ развязку національныхъ конфликтовъ Балканскаго полуострова, что заставляетъ Австрію серьезно готовиться къ вмѣшательству. Итакъ, одно тянется за другимъ, и все зданіе трещитъ и рушится.

Война началась изъ за Манджуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разростается въ вопросъ о міровомъ положеніи царской Россіи и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра.

Первымъ ея послѣдствіемъ будетъ паденіе русскаго самодержавія. Объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

II.

Паденіе самодержавія.

(Изъ № 61).

Самодержавіе поставлено въ необходимость защищать свое міровое положеніе. Самодержавная Россія борется за свое мѣсто среди державъ. Вся ея внѣшняя политика поставлена на карту. Могущество и величіе царя, міровые планы, успѣхи прошлаго и задачи будущаго, все, чѣмъ самодержавіе жило и чего ради оно подчиняло себѣ и собирало въ своихъ рукахъ всѣ силы страны, все, что давало историческій смыслъ этой политической нелѣпицѣ, подвергнуто риску, надъ всѣмъ этимъ поставленъ вопросъ: быть или не быть?

Не надо забывать, что самодержавіе имѣетъ свое собственное политическое содержаніе. Конечно, оно экономически является представителемъ имущихъ классовъ, но *политически* оно старается ихъ подчинить себѣ. Оно самую капиталистическую эксплуатацію дѣлаетъ орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Буржуазный либерализмъ, закрывающій глаза передъ классовымъ характеромъ государства, видитъ въ самодержавіи только власть чиновничества. Больно ужъ просто! Чиновничій произволъ существуетъ и въ Китаѣ, и въ Персіи, и въ Турціи, не только въ Россіи. Россія, правда, была на пути къ тому, чтобы стать азіатской деспотіей. Она даже огораживала себя китайской стѣной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на линіи крѣпостей московскаго государства, построенныя, между прочимъ, какъ и Китайская стѣна, противъ набѣговъ кочующихъ монголовъ. Тенденція къ замкнутости была настолько велика, что еще нѣсколько столѣтій спустя частоколы, воздвигнутые противъ татаръ, снова могли воскреснуть въ идеологіи русскихъ самобытниковъ. Но никакими рвами и валами не могли оградить Россію отъ вліянія Западной Европы. Дѣло тутъ было не столько въ культурномъ воздѣйствіи, сколько въ безпрерывной опасности для самостоятельности Россіи со стороны королевства польскаго и прилегающихъ государствъ. Это привело самодержавіе къ агрессивной внѣшней политикѣ и заставило вмѣстѣ съ тѣмъ приспособлять армію къ развитію военной организаціи Запада. Такъ создался рус-

скій государственный порядокъ: абсолютизмъ на азіатскій манеръ, поддерживаемый арміей на образецъ европейскій. Абсолютизмъ завоевательный, стремящійся весь міръ подчинить себѣ и перекроить по своему, въ отличіе отъ самодовлѣющаго жесткаго деспотизма Китая, который только требуетъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Поэтому, русское самодержавіе, въ свою очередь, грозитъ безпрерывной опасностью политическому развитію Западной Европы, въ историческихъ судьбахъ которой оно уже сыграло столь жестокую роль. Поэтому-то съ нимъ такъ трудно справиться: можно разбить орду чиновниковъ, но не такъ-то легко парализовать военную организацію, перенятую самодержавіемъ отъ развитыхъ капиталистическихъ государствъ. Мало того, своей завоевательной политикой самодержавію даже удалось создать подобіе національной идеи: подъ знаменемъ защиты и расширенія могущества Россіи, царское правительство до сихъ поръ еще всегда собирало вокругъ себя всѣ политически реагирующіе слои населенія и даже весь народъ. Въ мирное время, съ этой точки зрѣнія, содержаніе войска и флота получало смыслъ и оправданіе въ глазахъ общества. Въ настоящій моментъ также, на что „Искра“ неоднократно указывала, одной изъ причинъ войны нужно признать стремленіе правительства посредствомъ подъема военнаго патріотизма заглушить оппозиціонное настроеніе общества и придушить революціонную энергію народныхъ массъ. Отнимите у самодержавія его агрессивную внѣшнюю политику, и его военная энергія падетъ, войско перестанетъ вѣрить само въ себя, и государство, неудержимо разлагаясь, пойдетъ по пути Турціи. Вотъ почему самодержавіе, защищая свое міровое господство, борется за самое свое существованіе.

Война разгорѣлась и неудержимо влечетъ за собой все новыя и болѣе сложныя послѣдствія. Уже самый фактъ войны показалъ, что царское правительство оказалось безсильнымъ остановить ходъ событій, вызванныхъ имъ же самимъ. Такъ проявляется историческая необходимость: она рветъ и уноситъ, какъ бурный порывъ вѣтра тонкую паутинку, всѣ хитросплетенія политиковъ и оголяетъ объективный процессъ историческаго развитія; стихійныя силы, работавшія въ глубинѣ, выступаютъ наружу, и правительства, мнившія себя вершителями судебъ народовъ, мечутся безпомощно, тщетно отыскивая точку опоры въ разразившемся ураганѣ элементарныхъ политическихъ силъ, и становятся ихъ игрушкой. Царское правительство съ необыкновенной дипломатической ловкостью улавливало каждый моментъ, представлявшій какія либо выгоды его внѣшней политикѣ, но оно никогда не было способно заглядывать далеко впередъ, и вотъ, подвигаясь впередъ отъ успѣха къ успѣху, оно неожиданно достигло такого пункта, когда всякій дальнѣйшій шагъ грозитъ разорвать

всю длинную цѣпь прежнихъ успѣховъ и всего того, что съ ними было связано. Правительство, быть можетъ, и не рѣшилось бы сдѣлать этотъ чреватый рискованными послѣдствіями шагъ, но было уже поздно: его толкалъ впередъ тотъ самый ходъ событій, руководителемъ котораго оно себя считало — такъ горныя массы, тронувшись съ мѣста, неудержимо съ возрастающей быстротой катятся впередъ, разрушая и увлекая за собой все на пути своемъ. Война началась, и каковъ бы ни былъ исходъ ея, исторія оставитъ за собой среди массы развалинъ рухнувшій тронъ царя-самодержца.

Частичная развязка настоящей войны всего менѣе мыслима. Уступить Манчжурію царское правительство не можетъ. Оно захватило эту страну хитростью и вѣроломствомъ, а получить ее обратно, уступивъ теперь, оно смогло бы только военной силой. Но вести войну пришлось бы уже не противъ беззащитнаго Китая, а противъ Японіи, которая не преминула бы позаботиться и объ укрѣпленіяхъ, и о военныхъ силахъ.

Отстранивъ Россію, Японія получитъ гегемонію въ Восточной Азіи. Въ этомъ цѣль и смыслъ ея агрессивной политики. Только въ виду этой задачи она рѣшилась на войну, въ которой рискуетъ всѣмъ своимъ политическимъ и экономическимъ развитіемъ. Насколько вѣренъ ея разсчетъ, видно изъ того, что авторитетъ ея въ Китаѣ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, уже сейчасъ чрезвычайно усилился. Рядомъ съ этимъ идетъ подъемъ національнаго чувства монголовъ. Первыя преобразованія, которыя Японія введетъ въ Манчжуріи, Кореѣ и Китаѣ, несомнѣнно выразятся въ реорганизаціи войска на европейскій образецъ, постройкѣ стратегическихъ и торговыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. И эта политика Японіи опять таки не просто продуктъ политическихъ соображеній японскаго правительства, а результатъ историческаго развитія. Японія только является историческимъ завершителемъ революціонной работы европейскаго капитала въ Восточной Азіи. Тѣ же силы, которыя создали въ Японіи капиталистическое государство, создали по всей береговой полосѣ Китая торгово-промышленные центры, пробрались по теченію рѣкъ въ глубину страны, подточили весь экономическій и политическій укладъ „Срединной имперіи“ и подготовили ее къ воспріятію военной культуры капитализма. Идея объединенія монгольской расы на капиталистическихъ основахъ отнюдь не утопія, она историческая дѣйствительность, которая сильно отразится на историческихъ судьбахъ европейскаго капитализма.

Итакъ, если самодержавіе упуститъ теперь Манчжурію, оно потеряетъ ее навсегда. Но, потерявъ Манчжурію, оно теряетъ свои новые порты, и выходъ къ Тихому океану въ широтахъ, удобныхъ для мореплаванія, ему опять закрытъ. Если бы оно

даже сохранило за собой Манчжурскую желѣзную дорогу, то ужъ безъ всякаго сомнѣнія этотъ желѣзный путь, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ, не могъ бы больше служить военнымъ планамъ царскаго правительства, а сохранилъ бы только еще торговое значеніе. Стратегически, наоборотъ, онъ послужилъ бы на пользу Японіи и Китаю. Но и въ торговомъ отношеніи желѣзная дорога, проходящая по чужой землѣ, должна была бы получить широко интернаціональный характеръ. Въ результатѣ, она не столько служила бы вывозу московскихъ мануфактуръ, сколько ввозу иностранныхъ, въ значительной мѣрѣ японскихъ, товаровъ въ Сибирь. А это, хотя и дало бы сильный толчокъ промышленному развитію Сибири, отнюдь не входитъ въ политическіе планы русскаго самодержавія. Отступленіе передъ Японіей, слѣдовательно, означаетъ полное фіаско политики самодержавія на Дальнемъ Востокѣ. Все, что было потрачено на желѣзную дорогу, порты, военный флотъ, пропадаетъ даромъ, идетъ на пользу Японіи и Китая. Престижъ правительства падаетъ въ глазахъ Китая и въ глазахъ иностранныхъ державъ, Россія вычеркивается изъ списка державъ, имѣющихъ право вмѣшательства въ политическую жизнь Восточной Азіи.

Вотъ почему царское правительство съ своей стороны поставило себѣ цѣлью уничтожить военное могущество Японіи. Однако, это, въ свою очередь, повело бы къ полному перераспредѣленію соотношенія политическихъ силъ на Востокѣ. Уничтоженіе противовѣса Японіи выдвинуло бы противъ Россіи *Англію*. По всей вѣроятности, послѣдняя даже не стала бы ждать полнаго пораженія Японіи и заблаговременно вмѣшалась бы въ борьбу, чтобы быть въ состояніи воспользоваться стратегическимъ положеніемъ и военными силами японскаго государства. Я уже указалъ въ прошлой статьѣ, какъ послѣ Крымской кампаніи создались еще новые узлы конфликтовъ между царской Россіей и Англіей, а отношенія между ними и на Востокѣ, и въ Центральной Азіи обострились почти до кризиса. Далѣе, если гегемонія Японіи ведетъ къ объединенію монголовъ, то гегемонія русскаго самодержавія на Востокѣ ведетъ къ дѣлежу Китая. Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, упрочившись побѣдоносной войной въ Манчжуріи, не остановится передъ Пекиномъ. Въ интересахъ державъ предупредить дальнѣйшую завоевательную политику Россіи. Онѣ, поэтому, воспользуются моментомъ ея, хотя бы временнаго, ослабленія послѣ войны, чтобы расширить и обезпечить за собой свои „сферы колоніальныхъ интересовъ“ въ Китаѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется дружественный Россіи нейтралитетъ Германіи. Вильгельмъ II собирается повторить въ провинціи Шантунгъ то же самое, что царское правительство сдѣлало въ Манчжуріи, а побѣды Россіи ему только

проложили бы путь къ этой цѣли. Но съ юга ту же завоевательную политику ведетъ Франція, а Англія заинтересована и на югѣ, и на сѣверѣ, и въ центрѣ; къ тому же и Соединенные Штаты, давно стремящіеся упрочить за собой торговый рынокъ тихоокеанскихъ странъ — этой цѣли, между прочимъ, служитъ также прорытіе Панамскаго канала — разумѣется, не захотятъ остаться въ сторонѣ при общемъ дѣлежѣ добычи. Очень сомнительно, чтобы конкуррирующія державы при распредѣленіи своихъ колоніальныхъ владѣній могли поладить между собой безъ военныхъ столкновеній — ужъ не говоря о томъ, что война между Россіей и Англіей можетъ повлечь за собой, въ силу договора, вмѣшательство Франціи. Но если бы даже у самодержавія хватило силъ побѣдить Японію, то не можетъ у него ихъ хватить на то, чтобы бороться съ Англіей и пережить міровую войну, которая потребовала бы крайняго напряженія всѣхъ національныхъ силъ Россіи.

На самомъ дѣлѣ, ходъ военныхъ событій принялъ совершенно другой оборотъ. О скорой побѣдѣ надъ Японіей не можетъ быть и рѣчи. Война, во всякомъ случаѣ, затянется и истощитъ силы самодержавія.

Всѣ европейскіе военные критики согласны въ томъ, что ударъ, нанесенный Японіей русскому флоту, совершенно парализовалъ его дѣятельность. Это сразу опредѣлило ходъ военныхъ дѣйствій, совершенно неожиданный для царскаго правительства. Назначеніе русскаго флота было — по возможности отрѣзать Японію отъ материка, блокировать японскія гавани, всячески безпокоить врага, мѣшая его высадкамъ и разрывая сообщеніе между арміей и страной. Но послѣ понесенныхъ потерь русскій флотъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять японскому, онъ не рѣшается выйти въ открытое море и остается въ бездѣйствіи въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ совершенно не нуженъ — военной наукой давно установлено, что „берега хорошо укрѣпленной военной гавани защищаютъ себя сами“. Попытки освободить флотъ присылкой подкрѣпленій кончились неудачей, такъ какъ, не имѣя угольныхъ станцій по пути, царское правительство не въ состояніи даже доставить корабли на мѣсто дѣйствія. Суть, значитъ, не только въ томъ, что три броненосца повреждены, — вся многолѣтняя работа надъ сооруженіемъ тихоокеанскаго флота пропала даромъ, Японія сразу обезпечила за собой господство на морѣ. И дѣйствительно, Японія безъ всякихъ помѣхъ производитъ десанты своихъ войскъ и, вмѣсто того, чтобы тратить силы на защиту своихъ военныхъ транспортовъ и своихъ гаваней, перехватываетъ идущіе изъ Америки транспорты консервовъ для русской арміи, блокируетъ Портъ-Артуръ и находится на пути къ тому, чтобы отрѣзать его съ

суши отъ центра русской арміи. Польза измѣнившагося положенія для Японіи такъ велика, что чрезвычайно осторожный и авторитетный военный сотрудникъ „Frankfurter Zeitung“ рѣшается заявить: „шансы Японіи на побѣду въ виду этого увеличились наполовину; даже усиленіе военныхъ силъ Японіи на 50 процентовъ не имѣло бы такой огромной важности для нея, какъ это полное господство на морѣ“.

Итакъ война затянется. Со времени Крымской кампаніи самодержавію не приходилось вести такой серьезной войны. Русско-турецкая война по степени напряженія силъ останется далеко позади нея. Населеніе Турціи уже тогда было почти наполовину меньше теперешней Японіи. Кромѣ того, турецкія полчища, конечно, нельзя сравнить съ образцовой военной арміей Японіи. Наконецъ, война тогда велась въ самой Европѣ, сообщенія съ театромъ военныхъ дѣйствій были близки и удобны, недостатка въ продовольственныхъ средствахъ не было. Теперь же Россіи приходится вести войну на краю Азіи, при чрезвычайно затруднительныхъ условіяхъ.

Разстояніе между центромъ страны и центромъ военныхъ дѣйствій около 8,000 верстъ. Петербургъ почти одинаково отдаленъ отъ Портъ-Артура, какъ отъ Нью-Іорка, но сообщеніе его съ Нью-Іоркомъ гораздо болѣе скорое и удобное, чѣмъ съ Портъ-Артуромъ. Говорятъ о томъ, что Россія граничитъ въ Азіи съ Китаемъ, и забываютъ, что граница эта отдѣлена отъ страны громадными пространствами малонаселенной Сибири. *Въ транспортномъ* отношеніи доставлять войска изъ центра Россіи въ Америку было бы несомнѣнно легче, чѣмъ по сибирской желѣзной дорогѣ въ Манчжурію. Дорога эта одноколейная и построена, какъ извѣстно, на скорую руку, въ началѣ въ разсчетѣ только на три пары поѣздовъ въ день со скоростью не болѣе 20 верстъ въ часъ. Потомъ ее передѣлывали: легкія рельсы замѣнили тяжеловѣсными, а насыпи подняли — отъ этой „*подсыпки*“ наполнились золотымъ порошкомъ карманы строителей, но насколько удалось укрѣпить полотно желѣзной дороги соотвѣтственно новымъ задачамъ, это еще только теперь должно сказаться на дѣлѣ. Далѣе, вопросъ очень сомнительный, удастся ли охранить манчжурскую вѣтвь желѣзной дороги отъ разрушенія. Населеніе возстало. Сѣрошевскій еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сообщалъ съ пути о скопленіи большихъ массъ монголовъ „подозрительнаго свойства“ вблизи желѣзной дороги. О томъ же были извѣстія англійскихъ и нѣмецкихъ корреспондентовъ. Полчища эти, разбросанныя небольшими отрядами по всей линіи, теперь по всѣмъ видимостямъ оперируютъ подъ руководствомъ японцевъ. Достаточно разрушить нѣсколько верстъ дороги въ разныхъ мѣстахъ, и русской арміи придется подвигаться пѣшкомъ черезъ

Манчжуріи. Затѣмъ, не мѣшаетъ помнить, что для подавленія одного только возстанія въ Манчжуріи царскому правительству въ свое время пришлось выставить 220,000 войска.

Война потребуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ государства: военныхъ, административныхъ, финансовыхъ. Въ какомъ положеніи эти силы?

Въ Россіи въ мирное время милліонъ войска. Цифра внушительная. Но, вѣдь, Россія неимовѣрно велика, ея пограничная линія составляетъ около 70,000 верстъ, а самодержавіе по всей линіи границъ государства создало безпрерывныя политическія тренія. Вѣдь недаромъ же въ мирное время *почти половина* всей арміи сконцентрирована въ военныхъ округахъ виленскомъ и варшавскомъ, т. е. на западной границѣ! А если присчитать одесскій и кіевскій военные округа, то окажется, что двѣ трети арміи необходимы для защиты западной и южной границъ. Затѣмъ два корпуса въ Петербургскомъ округѣ, болѣе 100,000 постояннаго войска въ средней Азіи. Вотъ и вся почти армія! Это въ мирное время, а въ военное время всякое ослабленіе военныхъ силъ на Западѣ и Югѣ европейской Россіи немедленно скажется на политикѣ Австріи. Румыніи и балканскихъ государствъ. Македонское возстаніе и такъ обострило положеніе дѣлъ, въ Австріи — очевидно въ разсчетѣ на русско-японскую войну — открыто дебатируется въ оффиціозной прессѣ вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла, и можно даже сейчасъ предвидѣть, что, если война затянется, то царскому правительству не только нельзя будетъ уменьшить свои войска на европейской границѣ, но придется еще ихъ значительно увеличить. Мы видимъ, что правительство уже сейчасъ созываетъ запасныхъ не только изъ Сибири, но и изъ Казанской, Пермской, Уфимской губерній. Въ скоромъ времени придется тронуть центральныя губерніи.

У насъ считаютъ всей арміи съ запасными, кромѣ ополченія, три милліона. Но, вѣдь, это въ громадномъ числѣ просто массы крестьянъ, которые, въ сравненіи съ возросшими требованіями современной войны, немногимъ лучше ратниковъ ополченія, которыхъ гнали къ Севастополю. Народу въ Россіи всегда много было, народу много также въ Китаѣ, но народъ еще не армія. У насъ даже активная армія далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ современнаго военнаго искусства. Пуженъ солдатъ интеллигентный, думающій, не теряющійся, когда онъ, — а главная борьба производится разсыпнымъ строемъ, — предоставленъ самому себѣ и не слышитъ за собой окрика начальства. Въ нашемъ же солдатѣ начальство систематически убиваетъ всякое душевное движеніе, его не развиваютъ, а дрессируютъ и превращаютъ въ автомата безъ мысли и безъ воли, слушающагося только команды. Это

военный рабъ. И разъ только солдатъ оставилъ казарму и попалъ опять въ деревню, съ него скоро слетаетъ вся муштровка. Повторительная служба немного улучшаетъ дѣло.

Нашъ офицерскій корпусъ состоитъ изъ недоучекъ, непригодныхъ для всякой другой дѣятельности, требующей большаго усилія ума и воли. Жизнь въ провинціи, въ замкнутомъ кругу, окончательно стираетъ съ нихъ слѣды культуры. Между ними и солдатами не только классовая, но и сословная рознь. Въ ихъ собственной средѣ, за отсутствіемъ связывающихъ интеллектуальныхъ интересовъ, пьянство является единственнымъ объединяющимъ элементомъ. Даже національную идею въ ея историческомъ смыслѣ они не въ состояніи воспринять и замѣняютъ ее мордобойствомъ. Это не исключаетъ того, что у насъ можетъ оказаться нѣсколько толковыхъ, свѣдущихъ генераловъ, но судьбу сраженій, при современныхъ условіяхъ, рѣшаютъ не генералы, а низшіе начальники и солдатская масса.

Безпорядки, господствующіе въ нашей арміи, уже успѣли съ достаточной яркостью проявить себя при столкновеніи въ Портъ-Артурѣ. Причина послѣдняго пораженія не только моментальная безпечность, сама по себѣ, конечно, характерная въ послѣднія минуты передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что въ Портъ-Артурѣ совершенно не были ориентированы относительно мѣстонахожденія японскаго флота. Даже еще нѣсколько дней послѣ сраженія не могли понять, откуда онъ взялся, и дѣлали самыя невѣроятныя предположенія, вродѣ того, что японскій флотъ, нарушивъ нейтралитетъ Англіи, сдѣлалъ Вей-Ха-Вей базисомъ своихъ операцій. А, на самомъ, дѣлѣ японская эскадра стояла у острововъ Эльліота совершенно вблизи Портъ-Артура!

Японцы же, какъ оказывается, поразительно ориентированы и относительно Портъ-Артура и вообще относительно всѣхъ нашихъ стратегическихъ пунктовъ въ Сибири и Манчжуріи. Доказано, что они передъ своей войной съ Китаемъ послали въ страну массу шпіоновъ, которые, прикрываясь мирными профессіями, основательно изслѣдовали ея военное положеніе. При открытіи военныхъ дѣйствій оказалось, что среди этихъ агентовъ были активные офицера арміи. То же самое они, очевидно, въ теченіе многихъ лѣтъ продѣлывали и въ Манчжуріи. Расовая общность съ туземнымъ населеніемъ и полная недоступность языка для русскихъ должны были имъ при этомъ сослужить громадную службу. А наше военное начальство какъ будто не знаетъ даже самыхъ обыкновенныхъ данныхъ о японской арміи. Только этимъ, или же самымъ нелѣпымъ презрѣніемъ къ силамъ противника, можно объяснить первоначальное предположеніе, что достаточно будетъ арміи въ двѣсти, триста тысячъ, чтобы справиться съ японцами. Въ Японіи, по оффиціальнымъ отчетамъ за 1900 годъ, было 640,000 вой-

ска—такъ какъ съ тѣхъ поръ набралось еще три годовыхъ контингента резервистовъ, то приходится предположить, что она въ военное время можетъ поставить чуть ли не милліонъ войска. Освободившись отъ опасности со стороны русскаго флота, она большую часть своей арміи можетъ поставить въ Манчжурію. При этомъ она имѣетъ туземное населеніе за себя и при первыхъ значительныхъ побѣдахъ на сушѣ можетъ разсчитывать на открытое содѣйствіе Китая. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что идея расовой борьбы воодушевляетъ прежде всего самое японскую армію и сплачиваетъ офицеровъ и солдатъ въ одно солидарное цѣлое.

На административные порядки нашей арміи пролили свѣтъ обнаруженныя въ Портъ-Артурѣ растраты продовольственныхъ запасовъ. Что творилось при постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, отъ которой прежде всего зависитъ успѣхъ русской арміи, достаточно извѣстно. А все это, вѣдь, только частичная картинка общей административной неурядицы въ самодержавной Россіи.

Можетъ ли даже быть вопросъ о томъ, что чиновничья администрація не будетъ въ состояніи справиться съ такими колоссальными задачами, какія ставитъ война всему управленію страны? Вспомнимъ голодные годы. Уже тогда, хотя все сводилось къ доставкѣ опредѣленнаго количества хлѣба въ голодныя губерніи, выказалась полная несостоятельность администраціи. Отсутствіе точнаго распредѣленія функцій между государственными учрежденіями, конфликты агентовъ различныхъ вѣдомствъ между собой, споры о компетенціи, конфликты между земствами, губернскими, уѣздными, и министерствами, центральная власть, которая произвольно вламывается повсюду, спеціальные агенты, внезапно врывающіеся въ губерніи и переворачивающіе все вверхъ дномъ, полная нераспорядительность, суетливая, крикливая торопливость и безпрерывное запаздываніе — въ результатѣ неимовѣрная путаница, уйма затраченныхъ денегъ и полная безпомощность нуждающихся въ помощи. Наскоро организованные комитеты интеллигентной молодежи лучше справлялись съ задачами, которыя они себѣ ставили, чѣмъ правительственный административный аппаратъ. Что же будетъ теперь, когда приходится мобилизовать во всѣхъ концахъ Россіи, собирать на всемъ протяженіи громадной имперіи запасныхъ, снаряжать ихъ, распредѣлять по частямъ войскъ, концентрировать на отправочныхъ пунктахъ, перевозить сотни тысячъ войска за тысячи верстъ на театръ военныхъ дѣйствій, заботиться о продовольствіи арміи, о доставкѣ военныхъ средствъ, о раненныхъ и больныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускать изъ виду общаго управленія страны — и все это подъ страшными ударами кровопро-

литной войны?! Не трудно предвидѣть, что рядъ пораженій совершенно разстроитъ административный механизмъ самодержавія.

Наконецъ, финансовыя средства. Русско-турецкая война обошлась Россіи въ 1075 милліоновъ рублей. Настоящая война оставитъ эту цифру далеко позади. Нужны займы, немедленно и сразу въ громадныхъ суммахъ. Но кредитъ царскаго правительства продѣлалъ ту же эволюцію, что и его внутренняя политика: подымался, падалъ, снова подымался и достигъ кульминаціоннаго пункта, чтобы разразиться кризисомъ. *Лондонская* биржа закрыта для русскихъ займовъ уже съ шестидесятыхъ годовъ. Центромъ для царскихъ займовъ стала Германія. Но къ восьмидесятымъ годамъ и германскій кредитъ началъ изсякать. Въ 1887 г. ему былъ положенъ окончательный предѣлъ, когда имперскій германскій банкъ отказался принимать подъ залогъ русскія государственныя бумаги. Это было время самаго сильнаго упадка кредита и заодно политическаго вліянія самодержавія, то время, когда ничтожная Болгарія подъ управленіемъ Стамбулова могла съ успѣхомъ противостоять политикѣ царскаго правительства. Русскіе кредитные билеты потеряли свой курсъ, а русская дипломатія потеряла свой кредитъ. Тутъ началось любезничанье съ Франціей, которая раскрыла царю-самодержцу душу французской буржуазіи — кошельки мелкихъ капиталистовъ. Потянулся золотой потокъ изъ Франціи. Французы подсчитываютъ, что они дали Россіи около семи милліардовъ франковъ взаймы. Точнаго учета не можетъ быть, но названная сумма, навѣрное, остается еще позади дѣйствительности, такъ какъ французы не только почти цѣликомъ покрыли новые займы, но еще — при консилидаціи займовъ — скупили старые долги самодержавія. Французскій кредитъ долженъ былъ изсякнуть уже въ виду тѣхъ огромныхъ размѣровъ, которые онъ принялъ. А тутъ еще наступилъ промышленный кризисъ. Французы потеряли массу денегъ на акціяхъ русскихъ промышленныхъ предпріятій. И вотъ трудно стало дѣлать во Франціи займы. Однако, благодаря прежнимъ французскимъ займамъ, и въ связи съ этимъ, новому подъему во внѣшней политикѣ царскаго правительства, поднялся и его кредитъ вообще. Поэтому, удалось заключить заемъ въ Германіи. Но новый германскій кредитъ Россіи, явившись рефлексомъ кредита французскаго, остается, въ особенности тогда, когда рѣчь идетъ о столь большихъ и рискованныхъ займахъ, какъ военные, въ полной отъ него зависимости. Попытки правительства заключить заемъ передъ войной окончились полной неудачей. Если бы война началась русскими побѣдами, то первый военный заемъ, можетъ быть, еще былъ бы возможенъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ, и это сдѣлало заемъ впредь до дальнѣйшаго не осуществимымъ. Ударъ, нанесенный японскими побѣдами русскому само-

державію на биржѣ, еще гибельнѣе для него, чѣмъ потеря морской военной кампаніи. Теперь европейская биржа требуетъ отъ царя побѣдъ, настоящихъ, кровопролитныхъ, рѣшительныхъ — безъ этого она не дастъ денегъ. Только еще моремъ крови можетъ самодержавіе купить милліоны золота. А, между тѣмъ, и для побѣдъ нужны прежде всего *деньги*.

Въ то же время война разстраиваетъ всѣ торговыя и промышленныя дѣла, а слѣдствіемъ этого является уменьшеніе доходовъ казны и невозможность выполнить бюджетъ, даже независимо отъ военныхъ расходовъ. Купцы въ Владивостокѣ первые прекратили платежи. Это отразилось на Одессѣ, Москвѣ, Варшавѣ. Русскія торговыя сношенія съ Тихимъ океаномъ вообще сведены на нѣтъ. По свѣдѣніямъ изъ Кенигсберга, уже сейчасъ произошло сильное уменьшеніе хлѣбнаго вывоза Россіи. Цѣны на хлѣбъ въ портахъ сильно поднялись. Берлинскіе банки сократили кредитъ варшавскимъ фабрикантамъ — въ силу этого послѣдніе сократили производство. Но, вѣдь, это только еще начало началъ. И то же самое скоро скажется и въ сношеніяхъ съ Лондономъ, Парижемъ, Брюсселемъ. Индустріальное развитіе Россіи связало ее тысячами нитей съ промышленными центрами Европы и сдѣлало ее очень чувствительной ко всѣмъ движеніямъ капиталистическаго рынка. Повышеніе вексельнаго дисконта, сокращеніе кредита, уменьшеніе цифръ ввоза и вывоза — все это ведетъ къ банкротствамъ и безработицѣ, причемъ крахъ въ одномъ мѣстѣ влечетъ за собой ломку въ другихъ мѣстахъ. Мужику тоже, конечно, не станетъ легче отъ войны. Помѣщики заработаютъ, конечно, отчасти на казенныхъ поставкахъ хлѣба, но и на нихъ долженъ отразиться общій промышленный кризисъ.

Правительство, чтобы добыть хоть нѣсколько денегъ на военные расходы, пріостанавливаетъ работы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ бюджетѣ на этотъ счетъ предполагалось 200 милліоновъ рублей — почти цѣликомъ на дороги, постройка которыхъ уже близится къ концу. Этотъ внезапный перерывъ работъ, съ которыми связаны желѣзо-дѣлательное, машинное и еще много другихъ отраслей производства, не преминетъ усилить и расширить промышленный кризисъ.

Кромѣ того, правительство стало сокращать платежи золотомъ и выпустило на 50 милліоновъ бумажныхъ денегъ. И вотъ изъ Манчжуріи уже сообщаютъ, что курсъ рубля упалъ. Но 50 милліоновъ это только капля въ морѣ. Съ горечью вспоминаютъ времена, когда бумажекъ можно было выпускать (такъ какъ обязательнаго размѣна на золото не существовало), сколько угодно. Волей или неволей, съ золотой валютой придется распроститься. Рубль упадетъ до марки или франка. Послѣдствіемъ будетъ подъемъ цѣнъ товаровъ, слѣдовательно, еще большая нужда въ деньгахъ.

Кредитъ окончательно упадетъ, заграничная торговля прекратится, промышленная дѣятельность всей страны будетъ совершенно парализована. Мужицкая Россія могла кое-какъ существовать и при безпорядочной монетной системѣ. Но введеніе золотой валюты стало необходимостью съ развитіемъ фабричнаго производства, интернаціональной торговли и финансовыхъ связей Россіи. Назадъ пути отрѣзаны. Уничтоженіе обязательнаго размѣна на золото равносильно объявленію финансоваго банкротства.

Разстройство войска, административныя неурядицы и хищничество, безденежье, финансовое банкротство, промышленный кризисъ — все это не можетъ не отразиться на военныхъ дѣйствіяхъ царской арміи. А новыя пораженія или даже только продолжительное отступленіе, доказывающее слабость, не только умножатъ и усилятъ военное, административное, экономическое разстройство государства, деморализуютъ армію, нагонятъ страхъ на общество и приведутъ въ негодованіе народъ, они, кромѣ того, приведутъ къ новымъ политическимъ осложненіямъ. Заявленіе англійскаго правительства въ палатѣ общинъ, что до Тибета никому нѣтъ дѣла, кромѣ Англіи, ясно показываетъ направленіе его политики въ Средней Азіи. Тибетскій Лама до сихъ поръ еще твердо убѣжденъ въ могуществѣ царя и не вѣритъ сообщеніямъ о пораженіи русскаго флота. Въ концѣ концовъ, факты убѣдятъ и его, и тогда отношеніе его къ Россіи настолько же радикально измѣнится, насколько теперь безгранично его довѣріе къ царю. Азіаты не хуже европейцевъ понимаютъ, что въ политикѣ все сводится къ силѣ. Чѣмъ безуспѣшнѣе для Россіи восточная война, тѣмъ агрессивнѣе станетъ политика Англіи въ Тибетѣ, въ Афганистанѣ, въ Персіи, въ Малой Азіи. Германское правительство, какъ я уже упомянулъ, надѣется на русскія побѣды, чтобы обезпечить за собой провинцію Шентунгъ. Но Вильгельмъ II отнюдь не заклялся ограничить политику колоніальныхъ захватовъ Китаемъ. Германія уже создала себѣ „интересы“ въ Малой Азіи. Заодно съ Россіей она готова дѣлить Востокъ, при ослабленіи Россіи она не прочь раздѣлить и Западъ Азіи. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. И если самодержавію ужъ очень круто придется, то не трудно вспомнить и родство съ балтійскими нѣмцами. Въ особенности, если Австрія воспользуется кризисомъ на Балканскомъ полуостровѣ, что опять-таки очень вѣроятно при неблагопріятномъ ходѣ восточной войны для Россіи; въ такомъ случаѣ Германіи можетъ показаться очень заманчивымъ компенсировать нарушенное равновѣсіе политическихъ силъ насчетъ Россіи. Вѣдь, остзейскія провинціи для Германіи — это новая Эльзасъ-Лотарингія.

Война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россію. Каждый день безуспѣшной войны приводитъ

къ новымъ затрудненіямъ и осложненіямъ. Каждое пораженіе царскихъ войскъ въ Восточной Азіи обостряетъ опасность войны и на Западѣ, и на Югѣ, и въ Средней Азіи. Ослабленіе военныхъ силъ въ Азіи требуетъ усиленія войскъ на европейской границѣ. Каждое новое пораженіе создаетъ новыхъ враговъ и превращаетъ „дружественный“ нейтралитетъ государствъ во враждебный. Каждое новое пораженіе на полѣ битвы сугубо отражается на рынкѣ капиталовъ, гдѣ, покуда существуетъ капиталистическое общество, въ конечномъ счетѣ рѣшаются судьбы войнъ, и превращаетъ государственный кредитъ въ государственный долгъ, немилосердно предъявляемый биржей къ востребованію.

Выходъ изъ того позорнаго положенія, въ которое царское правительство вогнало Россію, возможенъ только при условіи ликвидаціи самодержавія. Только революція въ состояніи поднять національныя силы страны. Она создастъ новый порядокъ и новое войско и замѣнитъ мордобойный патріотизмъ національнымъ воодушевленіемъ. Русской революціи не страшны внѣшніе враги, какъ не страшны они были Великой Французской Революціи. Судъ исторіи совершается надъ русскимъ самодержавіемъ. Оно рушится потому, что оно пыталось военной силой покорить себѣ не только интеллигенцію, но и всемірные законы общественнаго развитія. Военное могущество капиталистическихъ странъ явилось результатомъ экономическаго и политическаго развитія этихъ странъ. Самодержавіе хотѣло возсоздать въ Россіи военныя силы Запада, но при этомъ сохранить старый политическій порядокъ. Покуда основой экономическаго уклада Западной Европы было земледѣліе, это было возможно, не смотря на различіе общественныхъ формъ. Но положеніе измѣнилось, когда съ развитіемъ капиталистической индустріи измѣнился весь общественный и культурный укладъ Западной Европы, создалось парламентарное государство, создалась армія на основахъ всеобщей воинской повинности и военное дѣло было подвергнуто революціонному развитію капиталистическаго производства. Самодержавіе впервые почувствовало происшедшую перемѣну въ 1812 году. Военная тактика, созданная французской революціей, дала Наполеону I возможность дойти до Москвы. Побѣдила не русская армія, а русская отсталость — бездорожье, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, да русскіе морозы. Прошло еще 40 лѣтъ политическаго развитія Европы, а въ Россіи все оставалось по старому. Противорѣчіе между русскимъ самодержавіемъ и политическими, равно какъ и экономическими требованіями военнаго развитія, соотвѣтствующаго строю капиталистическихъ странъ, привело къ катастрофѣ Крымской войны. Историческое развитіе, передъ которыми самодержавіе закрывало глаза,

отразилось на немъ страшными ударами потерянной войны. Это внушило революціонную энергію даже царскому правительству. Крымская кампанія показала, что новая военная техника требуетъ новаго человѣческаго матеріала для арміи, что крѣпостной холопъ для нея не годится. Она показала, что громадныя арміи на европейскій образецъ требуютъ также европейскихъ средствъ сообщенія, т. е. желѣзныхъ дорогъ; что для того, чтобы пользоваться такими арміями, необходимо государственное устройство, гораздо болѣе сложное, чѣмъ русская централизованная кабальная система, носящая названіе государственнаго строя; наконецъ, что войны съ капиталистическими странами требуютъ финансовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты только при капиталистическомъ способѣ производства. И самодержавіе принуждено было произвести реформы во всѣхъ этихъ областяхъ.

Реформы 60 хъ годовъ были только жалкой карикатурой тѣхъ коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя стали для Россіи исторической необходимостью. Самодержавіе не рѣшалось идти дальше: во-первыхъ, потому что оно было еще слишкомъ тѣсно связано съ крѣпостническимъ дворянствомъ, во-вторыхъ, потому что еще свѣжо было въ памяти революціонное прошлое капитализма и правительства смѣшивали господство буржуазіи съ господствомъ народа, съ демократіей.

Опять прошло 40 лѣтъ. Въ Россіи развилась капиталистическая индустрія. Въ то же время капитализмъ на Западѣ сталъ реакціоннымъ. Онъ уже не свергаетъ больше монарширъ троновъ, а наоборотъ, заботится о централизаціи и усиленіи правительственной власти. Самодержавіе уже не боится капиталистическаго развитія, но у него явилась идея подчинить его себѣ. Оно насаждаетъ индустрію въ интересахъ фиска. Витте возвелъ это въ систему: дать капитализму широкую возможность выжимать прибавочную стоимость изъ рабочихъ, а выжатую прибавочную стоимость экспропріировать въ пользу казны. Вышло, однако, наоборотъ: не столько казна получила отъ русскихъ капиталистовъ, сколько русскіе капиталисты отъ казны, для которой западноевропейская биржа служила неизсякаемымъ золотымъ источникомъ. А такъ какъ самодержавіе игнорировало политическія условія капиталистическаго развитія и, наоборотъ, боясь новаго, выдвинувшагося на политическую арену капиталистической Европы соціально революціоннаго класса, вмѣсто политическихъ реформъ, усиливало реакцію, то развитіе капитализма въ Россіи шло туго, медленно и безпорядочно. Создавалась индустрія, но самодержавіе мѣшало тому, чтобы создалось индустріальное государство.

И вотъ теперь опять насталъ моментъ перелома, когда исторія по отношенію къ самодержавію, не понимающему политиче-

скихъ доводовъ, употребляетъ доводы, ему доступные — военныя пораженія.

Опять, какъ въ крымскую кампанію, на сцену выступаетъ противорѣчіе между военными условіями и соціальнымъ матеріаломъ русской арміи. Оказывается, что для успѣшнаго веденія современной войны, наряду съ бездымнымъ порохомъ и скорострѣльными пушками, не менѣе того необходимы *народныя школы* и *политическая свобода*, создающая толковаго, вдумчиваго, самостоятельнаго солдата. Опять противорѣчіе между колоссально разросшимися требованіями передвиженія войскъ, управленія арміей и страной во время войны и административной отсталостью русскаго государства. Опять противорѣчіе между финансовыми требованіями войны и финансовыми средствами страны. Иностранными займами самодержавіе создало свою военную силу, — но именно потому война превращаетъ его военное могущество въ фикцію, такъ какъ страна, по своему экономическому и политическому развитію, оказывается не въ силахъ оплачивать военныхъ издержекъ громадной арміи, созданной на чужія средства. Европейская биржа оплачивала военныя вооруженія самодержавной Россіи — и вотъ теперь отъ европейской биржи зависитъ судьба русской арміи.

Исторія, ликвидируя самодержавіе, создала ему надлежащаго противника.

Японія въ борьбѣ противъ самодержавія, помимо своего географическаго положенія, имѣетъ еще и другія преимущества передъ капиталистическими государствами западной Европы.

Японія, безъ исторической критики, перенесла капиталистическій строй въ свою страну. Невѣрно, однако, будто она обезличиваетъ. Она считается со своими національными особенностями и примѣняетъ къ нимъ какъ производство, такъ и военную технику. Но она воспринимаетъ капитализмъ, какъ наиболѣе совершенный общественный строй. Въ отличіе отъ русскаго самодержавія, она перенесла его цѣликомъ: и экономическій, и политическій, и военный порядокъ. Перенесла сознательно, пользуясь разроставшимися государственными силами для наибольшаго насажденія капиталистической культуры. Поэтому она въ короткое время достигла громадныхъ успѣховъ и создала не только индустрію, но и дѣйствительное капиталистическое государство. Та же историческая некритичность, въ связи съ достигнутыми успѣхами, создаетъ въ ней національное воодушевленіе, подобное тому, которое характеризовало европейскую буржуазію въ ея революціонный періодъ. Отсюда вытекаетъ также воинственное настроеніе страны.

Замѣчу, кстати, что блестящіе успѣхи Японіи въ прививкѣ капитализма къ экономическимъ формамъ, ему совершенно чуждымъ, являются историческимъ доказательствомъ въ пользу того,

до какой степени возможно ускорить ходъ соціальной революціи, пользуясь государственной властью. Чтобы не впасть въ слишкомъ поспѣшные выводы, не мѣшаетъ, однако же, помнить, что капиталистическая революція Японіи произошла въ средѣ мірового капитализма.

Только молодая капиталистическая страна могла рѣшиться нанести рѣшительный ударъ самодержавной Россіи, — буржуазія Западной Европы, наоборотъ, полная страха, старается сохранить политическій status quo со всѣми его несовершенствами, недоконченностью, раздробленностью, національными и государственными промежуточными формами, такъ какъ боится, что нарушеніе политическаго равновѣсія Европы поведетъ къ катастрофамъ, могущимъ завершиться соціальной революціей.

Наконецъ, Японія, какъ я уже упоминалъ, въ борьбѣ противъ царской Россіи является выразителемъ мірового процесса, создающаго въ Тихомъ Океанѣ новую группу капиталистическихъ странъ.

Самодержавіе, борясь за свое существованіе, борется противъ исторической необходимости; стремясь парализовать политику Японіи, оно борется противъ міровыхъ законовъ капиталистическаго развитія.

Съ одной стороны историческій процессъ съ его законами развитія производства, общественныхъ формъ, политическаго устройства, культуры — а съ другой самодержавіе, опирающееся на войско, дезорганизованное и безпомощное, потому что самодержавіе хотѣло устроить военное государство на европейскій манеръ, но безъ тѣхъ политическихъ формъ, которыя неизбѣжно сопутствуютъ ему въ Европѣ. Каковъ будетъ исходъ столкновенія, не можетъ подлежать сомнѣнію.

